

УДК 821.111(73)-32

**МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. ГОТОРНА****Е.И. БЛАГОДЕРОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Обосновывается актуальность произведений Н. Готорна для научного изучения и современного общества в целом. Выделены основные проблемы, нашедшие отражение в произведениях писателя, такие как интерес к внутреннему миру человека, проблема морального выбора, вопросы совести, греха, вины, искупления. На примере рассказа «Черная вуаль священника» рассматривается характерный повествовательный приём Н. Готорна, «принцип неопределённости». Данный приём позволил автору уклониться от окончательных моральных суждений, был направлен на то, чтобы побудить читателя мыслить, предоставить ему возможность самому найти истину. В результате проведённого исследования делается вывод о том, что многие произведения писателя не подлежат однозначному истолкованию, так как они намного богаче, чем любое из этих индивидуальных прочтений.

Введение. По истечении полутора столетий творчество Н. Готорна пользуется неизменной популярностью у читателей и привлекает внимание исследователей. Интерес к его произведениям объясняется не только их высокими художественными качествами, но также и тем, что в своих романах и рассказах Готорн затрагивал вопросы по-прежнему актуальные для современного общества, такие как противостояние коллективистских и индивидуалистических ценностей, проблема морального выбора и свободы человека в целом. Именно эти вопросы были в центре внимания одного из самых популярных и востребованных направлений современной философии – экзистенциализма. Особенно актуальными являются произведения Н. Готорна для современного белорусского общества, всё ещё переживающего трансформационные процессы по причине относительно недавней смены социально-экономического и политического уклада и в связи с этим сталкивающегося с ситуацией размывания устоявшихся нравственно-этических ориентиров, что заставляет человека чувствовать себя неуверенным в правильности своих действий.

Если говорить о вкладе Н. Готорна в развитие национальной литературы, то принято считать, что наряду с В. Ирвингом и Э. По он заложил основы современного американского рассказа. По мнению М. Каули, Н. Готорн первый среди американских писателей начал создавать «настоящие рассказы, рассказы в современном смысле слова: не отрывки или эпизоды, а повествования, построенные вокруг единого действия и обладающие цельностью лирических стихотворений» [1, с. 45]. Интересен тот факт, что при разработке теории романтической новеллы Э. По использовал материал сборника «Дважды рассказанные истории» (Twice-told tales, 1842) Н. Готорна [2, р. 87].

С Готорном также связывают появление нового типа исторического повествования. В отличие от традиционного американского исторического романа, основы которого заложили произведения Вашингтона Ирвинга и Фенимора Купера, Готорн выносит в центр повествования внутренний мир личности, а не историческое событие. Его творчеству свойственен объективный подход к отображению прошлого, в показе исторических событий отсутствует идеализация. Кроме того, сегодня нет сомнений в том, что корни современного психологического романа восходят к произведениям Э. По и Н. Готорна. Писатель стремился проникнуть в глубины сознания, узнать, что скрывается за внешностью, словами и поступками человека.

Несмотря на то, что со времени расцвета его творчества прошло уже более 150 лет, в высших учебных заведениях, лицеях, гимназиях гуманитарного профиля студенты в обязательном порядке читают произведения Н. Готорна, его книги постоянно переиздаются и переводятся на иностранные языки, а интерес критиков к его работам не иссякает. Можно предположить, что во многом этот факт объясняется характерной особенностью повествовательной техники Н. Готорна, а именно «*принципом неопределённости*» [3, с. 36], «*формулой альтернативных возможностей*» по А. Уинтерсу («*formula of alternative possibilities*») [4, р. 356] или, как обозначил Ф.О. Маттисен в своей книге «Американский Ренессанс», «*приёмом множественного выбора*» («*the device of multiple choice*») [5, р. 276].

По мнению Ю.В. Ковалева, в период позднего романтизма только Н. Готорн и Г. Мелвилл применяли принцип неопределённости так широко и разнообразно. У Готорна «*этот принцип легко обнаруживается в композиции, сюжетной структуре, характерах действующих лиц, в системе многозначных, вернее неопределённых, символов, в авторских оценках и отступлениях*» [3, с. 36]. В своих произведениях Готорн придерживается различных точек зрения. Повествователь мог описывать события в перспекти-

ве того времени, когда они происходят и также разделять все суеверия и предрассудки, характерные для того периода, либо он мог рассказывать о прошлом с позиции просвещенной личности XIX века.

Основная часть. В качестве иллюстрации характерного творческого приема Н. Готорна можно рассмотреть один из наиболее загадочных и спорных в истолковании критиками рассказов писателя «Черная вуаль священника» («The Minister's Black Veil»). Священник одного из приходов в Новой Англии, мистер Хупер, на одной из воскресных служб появляется с черной вуалью на лице и больше уже не снимает ее до самой смерти. Этот отрезок черной материи внушает всем необъяснимый страх, смешанный с любопытством, но никто не отваживается спросить преподобного мистера Хупера о причине его поступка. Несмотря на то, что священник по-прежнему приветлив и доброжелателен, ведет себя как прежде, все старательно избегают его общества. Его невеста Элизабет также прекращает с ним отношения; исключения составляют лишь кающиеся грешники, желающие исповедаться только мистеру Хуперу и никому больше. Даже на смертном одре священник не позволяет снять черную вуаль.

На протяжении всего рассказа повествователь не дает прямого ответа, что означает черная вуаль, не объясняет, с какой целью священник принял этот обет, нужна ли она для того, чтобы скрыть или наоборот продемонстрировать что-либо. Примечание автора к данной притче представляет интерес, но отнюдь не способствует раскрытию тайны этого символа, скорее, наоборот, запутывает еще больше. В нем говорится о другом священнике Новой Англии, Д. Муди из Йорка, штат Мэн, который привлек к себе всеобщее внимание такой же причудой. «*In his case, however, the symbol had a different import. In early life he had accidentally killed a beloved friend; and from that day till the hour of his own death, he hid his face from men*» [6, p. 371] («Однако у того этот символ имел другой смысл. В дни молодости он по несчастной случайности убил своего близкого друга – с тех пор он до самой смерти прятал свое лицо от людей») [7, с. 93].

Реплики главного героя также полны таинственности. На вопрос своей невесты, является ли черная вуаль символом скорби или совершенного греха, он не дает ни утвердительного, ни отрицательного ответа: «*if I hide my face for sorrow, there is cause enough... and if I cover it for secret sin, what mortal might not do the same?*» [6, p. 379] («если прятать лицо меня заставляет скорбь, то это само по себе уже достаточная причина, ... а если тайный грех, то разве вправе помнить о нем отказано кому бы то ни было из смертных?») [7, с. 101]. Автор намекает на то, что ношение вуали может быть своеобразным способом покаяния за серьезное преступление, но в то же время не предоставляет веских оснований так думать.

Следует отметить, что тема тайного греха, вины за содеянное является одной из наиболее часто встречающихся тем в произведениях Н. Готорна. Это не случайно, так как писателю была не чужда религиозная идея его предков пуритан, вера в изначальную, присущую с рождения, греховность человека. В энциклопедии «*Puritans and Puritanism in Europe and America: A Comprehensive Encyclopedia*» (Пуритане и пуританизм в Европе и Америке) дается следующее определение первородного греха: «*Original sin ... was also imputed to all humankind. ... Original sin meant that all human beings shared in Adam's guilt, were corrupted by sin, and inherited a propensity to sin...*» [8, p. 545] («Первородный грех ... приписывался всему человечеству. Он означал, что все люди разделяют вину Адама, все запятнаны грехом и наследуют склонность к совершению греха...») (перевод наш – Е. Б.)). В то же время грех рассматривали и как наказание само по себе, так как он являлся злом в жизни грешника, влек за собой расстройства воли и разума, муки совести и страха перед Божьим гневом.

В тексте много намеков на то, что речь идет о тайном грехе. Предсмертные слова священника как раз относятся к одному из таких намеков: «*What, but the mystery which it obscurely typifies, has made this piece of crape so awful? When the friend shows his inmost heart to his friend; the lover to his best-beloved; when man does not vainly shrink from the eye of his Creator, loathsomely treasuring up the secret of his sin; then deem me a monster, for the symbol beneath which I have lived, and die! I look around me, and, lo! on every visage a Black veil!*» [6, p. 384] («Что же другое, как не тайна, которую она смутно в себе воплощает, сделало таким ужасным этот кусочек крепа? Если закадычные друзья действительно раскрывают друг перед другом душу, если у возлюбленных нет друг перед другом никаких тайн, если человек не делает напрасных попыток скрыться от глаз Создателя и постыдным образом утаить совершенный им грех, – если все это так, тогда считайте меня чудовищем и осудите тот символ, который я пронес сквозь всю мою жизнь и с которым умираю! Я вот гляжу на вас – и, о горе, на лице у каждого из вас Черная вуаль!») [7, с. 107]. Однако ни что это за грех, ни кто его мог совершить, сам священник или прихожане, автор не раскрывает.

Оказывается неоднозначным и сам символ черной вуали. Из-за воздействия, которое она оказывала на других, мистер Хупер прожил жизнь никем не любимым, «человеком, отчужденным от людей», «опороченный мрачными подозрениями», но в то же время черная вуаль «*had the one desirable effect, of making its wearer a very efficient clergyman*» [6, p. 381] («оказывала благотворное действие: она делала того, кто ее носил, еще более ревностным пастырем»), а проповеди священника звучали с особенной проникно-

венностью и убедительностью [7, с. 104]. Вуаль в качестве художественного символа побуждает к ряду предварительных интерпретаций, основанных на предположении. Однако его (символа) смысл заключается не в поиске единственно верного решения, а в способности побудить к размышлению, заставить читателя пережить эмоциональный и интеллектуальный подъем.

Ричард Бродхед в своей работе «The School of Hawthorne» (1986) и Джейн Томпкинс в «Sensational Designs» (1985) приходят к выводу, что в зависимости от различных исторических периодов читатели рассматривают произведения с позиции ценностей, характерных для их культуры на данный момент, поэтому каждый раз произведениям придают иной смысл, отличающийся в какой-то мере от предыдущих интерпретаций. Согласно их теории, сущность литературного произведения постоянно меняется в соответствии с преобладающими методами анализа и общетеоретическими установками [9; 10].

Так, о творчестве Н. Готорна критики писали с позиции культурно-исторического, биографического, психологического методов, его произведения не обошли своим вниманием также последователи новой критики, феминистской, марксистской, фрейдистской теорий, предлагая свои трактовки произведений, иногда полностью противоположные предыдущим. Данное произведение не является исключением. Некоторые придерживались мнения, что священник совершил страшное преступление (Э. По, в частности, был уверен, что оно связано с молодой девушкой, чьи похороны описываются в начале рассказа) [11, р. 48], другие полагали, что черная вуаль символизирует порочность и греховность человечества в целом. Акцентируя внимание на религиозной тематике произведения, многие исследователи рассматривали рассказ в свете библейских эпизодов. Например, в книге «Исход» говорится о том, что после того, как Моисей спустился с горы Синай спустя 40 дней и ночей, «лице его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним» [12, 34:29]. Передавая все заповеди, Моисей «положил на лице свое покрывало» [12, 34:33] и не снимал его до следующего разговора с Богом [13, р. 34 – 35]. Кроме того, есть работы, в которых говорится о том, что мистер Хупер испытывал страх перед женщинами и носил вуаль с целью оградить себя от возможных домогательств с их стороны, либо что «Черная вуаль священника» затрагивает проблему рабства, и прототипом преподобного Хупера является американский политический деятель, основатель Американского общества борьбы с рабством, Уильям Ллойд Гаррисон [14; 11, р. 47]. Некоторые критики полагают, что следует обратить больше внимания на то воздействие, которое оказывает вуаль на самого священника и его прихожан [11, р. 47 – 49]. Существует еще много толкований данного рассказа, однако, несмотря на разночтения и полемику вокруг него, критики сходятся во мнении, что «Чёрная вуаль священника» – один из лучших образцов художественного мастерства Н. Готорна.

На наш взгляд, не стоит ограничивать смысл данного символа и всего рассказа в целом до узких рамок какой-либо из интерпретаций. Настаивать на единственно верном значении символа, истолковании данного поступка – значит уподобляться героям рассказа, размышляющим по поводу вуали преподобного Хупера: «*кое-кто многозначительно кивал головой, давая понять, что способен раскрыть эту тайну, в то время как один или двое уверяли, что тайны вообще никакой нет, а просто от долгих ночных засидок при свете лампы у мистера Хупера настолько ослабли глаза, что им нужен теперь полумрак*» [6, с. 96]. Можно согласиться с М. Данном, автором книги «Повествовательные стратегии Н. Готорна» (Hawthorne's Narrative Strategies», 1995), что выбор одной из интерпретаций приводит к игнорированию существенных доказательств в пользу противоположной, но именно эта особенность делает его произведения одновременно захватывающими, проблематичными и обескураживающими [10, р. 6 – 7].

Закключение. В своих произведениях Н. Готорн рассматривал вопросы нравственного сознания, совести, греха, вины, искупления и/или возмездия, при этом он воздерживался от окончательных выводов, предоставляя читателю возможность самому решить, что истинно, а что ложно, и находить ответы на поставленные вопросы.

Характерной повествовательной техникой Н. Готорна является принцип неопределенности. Каждый символ в его произведениях неоднозначен и обладает неисчерпаемым многообразием смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каули, М. Дом со многими окнами / М. Каули; сост. и предисл. Р. Орловой; коммент. Б. Гиленсона. – М.: Прогресс, 1973. – 327 с.
2. Hawthorne, N. The Critical Heritage / N. Hawthorne; ed. by J. Donald Crowley. – N.Y., 1970. – 532 p.
3. Готорн, Н. Избранные произведения: в 2-х т. / Н. Готорн; пер. с англ.; сост., коммент. А. Долинина; вступ. ст. Ю. Ковалева. – Л.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. – 456 с.
4. Winters, Y. Maule's Curse: Hawthorne and the Problem of Allegory / Y. Winters // The American Review. – 1937. – September. – P. 339 – 361.

5. Matthiessen, F.O. American Renaissance: Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman / F.O. Matthiessen. – N.Y.: Oxford University Press, 1941.
6. Hawthorne, N. Tales and Sketches / N. Hawthorne; Volume compilation, notes, and chronology copyright. – N.Y.: Literary Classics of the United States, Inc., 1982.
7. Готорн, Н. Избранные произведения: в 2-х т.; пер. с англ. / Н. Готорн; сост., коммент. А. Долинина. – Л.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 512 с.
8. Puritans and Puritanism in Europe and America: A Comprehensive Encyclopedia / Ed. Francis J. Bremer, Tom Webster, 2006. – 744 p.
9. Richard, H. Brodhead The School of Hawthorne / H. Richard. – Oxford University Press, 1990. – 272 p.
10. Hawthorne's Narrative Strategies by Michael Dunne. – Jackson: University Press of Mississippi, 1995. – 204 p.
11. Leland, S. Person The Cambridge Introduction to Nathaniel Hawthorne Cambridge University Press / S. Leland. – New York, 2007. – 156 p.
12. Исход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/443>. – Дата доступа: 15.05.2012.
13. Comprehensive research and study guide: Bloom's major short story writers. Nathaniel Hawthorne / Ed. and with an introduction by H. Bloom, 2001. – 89 p.
14. Robert, D. Crie "The Minister's Black Veil: Mr. Hooper's Symbolic Fig Leaf" / D. Robert // In Literature and Psychology. – 1967. – Vol. XVII, No. 4. – P. 211 – 18.

Поступила 15.03.2012

MULTIPLICITY OF POSSIBLE INTERPRETATIONS AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF N. HAWTHORNE'S LITERARY WORKS

E. BLAGODYOROVA

The topicality of N. Hawthorne's literary works for scientific research and contemporary society in general is substantiated. The author accentuates the main questions reflected in writer's literary works such as interest to the inner world of a human, moral choice problem, questions of conscience, sin, fault, atonement. N. Hawthorne's characteristic narrative strategy, "device of multiple choice", is treated in the article, taking "The Minister's Black Veil" as an example. Due to this strategy the author evaded definitive moral judgements, motivated readers to think and gave them a chance to find the truth. In conclusion it is stated that a number of literary works of N. Hawthorne cannot be interpreted with the help of only one method because the text is much richer than any of its individual realizations.